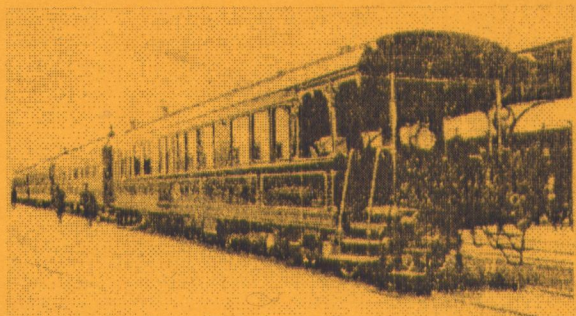

РУССКАЯ АТЛАНТИДА

К 100-летию КВЖД
и г.Харбина

А наши прекрасные учителя! Игорь Александрович Мирандов - кумир учащихся старших классов. Его уроки литературы проходили на одном дыхании. Он завораживал нас своими знаниями, голосом манерами. Казалось, сорок пять минут - это мгновения. Мы приобщались к высокой нравственности, чувству долга, учились любить слово. На всю жизнь запомнила, как однажды Игорь Александрович сказал, что выражение "представляет из себя" нельзя употреблять, надо говорить "представляет собою". Теперь, когда я слышу неправильное выражение, меня коробит, и я вспоминаю своего учителя, рассказываю о нём знакомым. Сам Игорь Александрович являл собою образец интеллигентности и служил примером для подражания.

Английский язык вёл Александр Григорьевич Сергеев, он же наш классный руководитель. Интеллигентный, строгий и, как мне казалось, справедливый. Александр Григорьевич - муж моей тётки Ольги Васильевны (она сейчас живёт в Сиднее) - ставил мне всегда тройку. И я это всегда безропотно переносила, но перестала старательно изучать английский. Всем учителям первой школы низкий поклон.

Река жизни унесла нас далеко-далеко от Харбина. Сестра Женя Гущина живёт в Ростове-на-Дону, Галя Мошонкина - в Мельбурне, брат Слава погиб. Подруги разлетелись по миру, и нет от них вестей. И только иногда накатывают волны воспоминаний. Они всё чаще возвращают в город детства, в те прекрасные годы, которые можно снова пережить, только вспоминая их.

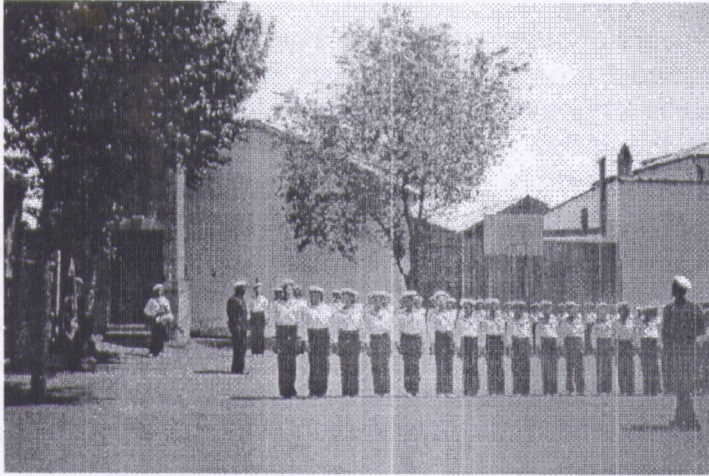
Н.Н. Клипиницер (Иванова)

ЖИЗНЬ БЕЗ ВОСПОМИНАНИЙ - ЛИШЕНА ВСЯКОГО СМЫСЛА

Вот я и решил вспомнить один из самых ярких и запомнившихся эпизодов моей молодости. Шёл 1929-ый год, год советско-китайского конфликта. Советская армия перешла границу около г. Маньчжурия и приближалась к г. Хайлару. Я был тогда учеником выпускного класса Хайларской русской гимназии. Многие жители Хайлара, уже напуганные ужасами революции 1917 года, поспешили удалиться от места приближающихся событий и уезжали в Харбин. В этом потоке беженцев оказался и я. Главной причиной моей поездки в Харбин было желание в этом году закончить гимназию. Получив добро и напутствие родителей, собрав свои учебники и ещё кое-какие вещицы, вскоре я уже был на перроне Харбинского вокзала, среди толпы беженцев, приехавших этим же поездом. Прибывших встречали представители Беженского комитета во главе с председателем Константином Ивановичем Подольским, который был и директором "Русского дома". Он подошёл ко мне, видимо, потому, что увидел паренька школьного возраста и стал расспрашивать: кто я, откуда и т.д. Когда он узнал, что я ученик выпускного класса, то спросил, хочу ли я учиться? Получив утвердительный ответ, он сказал мне, что может устроить меня в гимназию и предложил мне поехать с ним в РД. На такси мы приехали в РД, который находился в Славянском городке за трамвайным парком. Дом был двухэтажным. В вестибюле второго этажа нас встретил мальчик лет 12...13 в матросской форме, в бескозырке, на ленточках которой были слова: "Русский дом". Мальчик по-военному отрапортовал Константину Ивановичу - своему директору, что в РД всё в порядке, происшествий нет, и К.И. повёл меня в свою комнату, чтобы представить своей жене Софье Ивановне - женщине немолодой, но красивой и обаятельной.

После этого он провёл меня по этажам здания и познакомил с ребятами, сказав, что их здесь 100 человек. Обойдя всё здание, все дортуары, столовую, кухню, классы и даже домовую церковь, мы вышли во двор, где находилась мастерская. После этого К.И. приказал дежурному по кухне накормить меня. После трапезы из двух блюд и компота директор пригласил меня в свой кабинет. Во время беседы директор старался выяснить мои увлечения. Когда я сказал ему, что люблю рисовать, что в гимназии рисовал декорации для школьных спектаклей, ему это, видимо, понравилось. Он устроил

меня в вечерние классы для взрослых при гимназии Оксаковской, которую я и закончил в 1930 году.

деньги богатых людей, которые отдавали своих детей для обучения и воспитания, так как РД считался образцовым учебным заведением с дисциплиной дореволюционного кадетского корпуса. Такое воспитание импонировало многим зажиточным семьям.

Здесь воспитанники обучались 7 лет, а потом учились в разных школах города. Были и такие безродные, которых РД устраивал в различные училища, музыкальные школы, институты. Преподаватели в РД были приходящими, но некоторые совмещали преподавание и воспитание, т.е. жили в РД. Пищу для учеников готовила одна повара, но у неё было несколько помощников-учеников. Прачка и кастелянша были приходящими. В праздники, в субботу и воскресенье в своей церкви совершал службы тот же священник, который преподавал Закон Божий в РД. В церковном хоре участвовали воспитанники и взрослые - любители церковного пения.

Распорядок дня в РД был, как в кадетском корпусе: подъём по сигналу горна, туалет, гимнастика, завтрак, занятия в классах, так как директор был морским офицером и часто в торжественных случаях появлялся в форме морского офицера. Питание было четырехразовое. Дежурные были и по столовой и по кухне. Обед проходил чинно, организованно. Блюда на стол подавали дежурные по столовой, они же убирали столы после трапезы.

Воспитанников учили всем видам этикета: как вести себя за столом, в обществе, в трамвае, такту и уважению старших, пользованию столовыми приборами и многому другому. По окончании обеда - отдых, а затем занятия в мастерских: столярной, сапожной, переплётной. Младших жена директора - Софья Ивановна учила вышивать. В столярной мастерской делали подносы, шкатулки, разделочные доски. Всё это разрисовывалось, покрывалось лаком, полировалось. Применялось также выжигание и выпиливание лобзиком.

Качество успехов в учении и поведении в течение недели отмечалось выдачей всем воспитанникам билетов разного цвета: белый - отличникам, жёлтый - со средними успехами, а красный - отстающим. Владелец белого билета получал отпуск в город на целый праздничный день, мог сходить в кино, в театр, к родным, если они у него были. Владелец жёлтого билета освобождался от нарядов, но в город не ходил. В наряды назначались владельцы красных билетов.

Все, конечно, стремились заслужить белый билет, и поэтому старались хорошо учиться и быть дисциплинированными. Перед уходом в отпуск воспитанники одевали парадную форму, т.е. черный китель и черные брюки, бескозырку со словами "Русский Дом" на ленточках. Брюки должны быть наглаженными, ботинки и пуговицы начищенными до блеска.

Строй воспитанников перед уходом в город принимал дежурный воспитатель, а иногда и сам директор. Проверялось - всё ли обмундирование в порядке. Делалось напутствие, как вести себя в городе и воспитанники расходились до вечера. Детям, у которых нет родителей, выдавались деньги на кино и мороженое.

В “Русском Доме” хорошо был организован спорт. В здании зимой и летом стояли параллельные брусья, а во дворе турник, параллельные брусья, трапеция с лестницей, шестом и кольцами, конь.

Среди взрослых воспитанников были хорошие гимнасты. Иногда они выступали в театре с показом хороших гимнастических номеров, групповых упражнений и пирамид. Публика с восторгом смотрела эти выступления. Когда люди знали, что в нем будут выступать “молодые морячки” из РД, театр всегда был переполнен. Иногда совершались групповые посещения театров, и самым любимым для воспитанников был поход на р. Сунгари, в Зотовскую протоку, где было очень удобное место для купания и плавания. В зимнее время во дворе заливали каток и дети катались на коньках. Константин Иванович хорошо играл на физгармонии и часто собирал ребят, чтобы петь песни под его аккомпанемент. Часто устраивали “весёлые вечера”, на которых разгадывали ребусы, шарады, состязались в знании пословиц и поговорок, ставили маленькие сценки по басням Крылова. Это были любимые вечера для воспитанников. Иногда на такие вечера приглашали старших девочек из “дома милосердия” и ребята танцевали с ними.

Вкратце познакомив читателей с “Русским Домом” города Харбина, хочу рассказать о моём пребывании в нем в период с 1930 по 1933 года. Это был период моего духовного и интеллектуального роста, моего возмужания, я бы сказал, становления на твердую почву. С помощью К.И.Подольского я поступил на льготных для РД условиях в институт ориентальных и коммерческих наук.

Директор, узнав, что я рисую, сначала поручил мне нарисовать масляными красками на стенах комнаты младших воспитанников картины больших размеров по сюжетам басен. Выполненное задание понравилось Константину Ивановичу, стены преобразились, и он решил продолжить эти начинания. С каждым годом моя работа усложнялась и за все годы моего пребывания в РД я нарисовал на стенах здания такие картины, как “Отступление французов в 1812 году из России”, “Сражение Ермака с татарами”, “Караван верблюдов на фоне Египетских пирамид”. В столовой через всю стену нарисовал Московский Кремль. Нарисовал 2 памятника : Петру Первому и “Стерегающему”, а также картину с детьми, катающимися на санках с горки. В фойе нарисовал маяк в море, который при включении электрических ламп, производил впечатление мини-маяка. Я нарисовал “Рождение Иисуса Христа в яслях”. Это не икона, а картина. Она была помещена над дверью, ведущей в церковь.

В общем какой-то след пребывания в РД я оставил. Мой труд оценил Константин Иванович и с каждым годом увеличивал мой гонорар, начиная с десятки и доведя до 30 рублей. А в то время 30 рублей были приличной суммой.

Константин Иванович сделал меня как бы адъютантом. При всех “вылазках” в город брал меня с собой. Он надевал парадную форму морского офицера, я - студенческую с позолоченными эполетами. Он гордился, что в РД есть студенты. Мы бывали с ним в опере, театре, даже в ресторанах. Помню, как однажды в ресторане “Мулен Руж”, он уговорил меня пригласить танцевать известную в то время певицу Реджи, что я и сделал.

В то время в Харбине было спокойно, если не считать взятие в заложники сына богатого владельца магазина драгоценностей, помнится, по фамилии Каспе. Тем не менее, при таких “вылазках” Константин Иванович вооружался револьвером марки “Смит”, а мне вручал пистолет “Бульдог”. Все эти эпизоды я хорошо помню, потому что кто не вспоминает прошлое, тот лишен будущего. Судьба моя многогранна: есть в ней и белые, и черные грани, но я счастлив и благодарен Господу за столь продолжительную жизнь. При всей нашей сумбурной и непредсказуемой жизни я оптимист и надеюсь на лучшее будущее для нашей страны.

Ф.К.Марков